

■ ■ ■ Особенности определения социального одиночества и социального благополучия женщин России¹

Гневашева В.А.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Российская Федерация.

Аннотация. В статье анализируются результаты исследования, посвященного изучению гендерной специфики феноменов социальное одиночество и социальное благополучие как социально-экономических антонимов. Вопрос гендерной сегрегации как фактор усиления социального одиночества ставится крайне остро, поскольку в большей степени брачное и гораздо в меньшее репродуктивное поведение женщин может быть сопряжено именно с опасением социального одиночества, что требует уточнения факторов демографического развития общества. Изучение гендерных аспектов социального одиночества актуально и в контексте проблемы сохранения традиционных конструкторов семьи. В статье анализируются представления женщин о социальном одиночестве в контексте их брачного и репродуктивного поведения. Результаты основываются на осуществленном автором эмпирическом общероссийском исследовании, проведенном весной 2022 года (общее количество респондентов – 2500 чел., выборочная совокупность женщин составила 43% 1075 чел.). На основе проведенного исследования определена типологизация групп по критерию социального самочувствия женщин. Определены предпосылки склонности женщин к социальному одиночеству, и наоборот факторы социального благополучия. Результаты исследования позволяют сделать выводы о поведении женщин в современном обществе, об их самоидентификации в обществе, в семье, в профессии, а также о семье – как вероятностном факторе снижения ощущения социального одиночества среди женщин и росте ощущения социального благополучия.

Статья подготовлена в рамках выполнения гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-28-01980 «Социальное одиночество: моделирование новых семейных конструкторов».

Ключевые слова: социальное одиночество, семья, женщины, репродуктивное и брачное поведение, социальное благополучие

Для цитирования: Гневашева В.А. Особенности определения социального одиночества и социального благополучия женщин России // Коммуникология. 2023. Том 11. №1. С. 62-72. DOI 10.21453/2311-3065-2023-11-1-62-72.

Сведения об авторе: Гневашева Вера Анатольевна – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник Института демографических исследований ИДИ ФНИСЦ РАН. Адрес: 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35. E-mail: vera_cos@rambler.ru. ORCID: 0000-0002-3596-661X.

Статья поступила в редакцию: 15.03.2023. *Принята к печати:* 24.03.2023.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-28-01980 «Социальное одиночество: моделирование новых семейных конструкторов».

Введение. Изучение современного самоощущения женщин в обществе позволит выявить степень выраженности социального одиночества. Подобный феномен часто отмечается в современном обществе. Вместе с тем, социальное одиночество приводит к деструктивным формам построения социальных связей, межличностных коммуникаций, трансформациям семейных моделей. Роль женщин в обществе рассматривается в том числе и в контексте семьи и материнства. Будучи включенными в малые социальные группы можно предположить, что семья выступает инструментом снижения риска социального одиночества женщин, в некотором смысле предопределяет антагоничное их ощущение – ощущение счастья.

Социологические исследования, нередко описывая качество включенности женщин в конструкты семьи, апеллируют к феномену счастья. Руководствуясь идеей значимости семьи для формирования социальной позиции женщин, для их самореализации и формирования чувства социальной включенности определим гипотезу исследования: наличие семьи и детей снижает социальное одиночество женщин (H_1).

Для подтверждения или опровержения гипотезы представлены результаты авторского общероссийского исследования изучения вопросов социального одиночества, проведенного весной 2022 года ($N=2500$, в гендерном распределении выборочная совокупность женщин составила 43% – 1075 чел.). Выборка определялась как сплошная, случайная, на последнем этапе гнездовая, так как в рамках данной статьи взята только одна гендерная группа – женщины.

Теоретические предпосылки¹

Изучение феномена социального одиночества основывается на следующих подходах:

– *экзистенциальная психология* [Ялом], в рамках которой считается, что одиночество присуще природе человека. Так, И. Ялом подчеркивает, что реальности одинокого существования предшествует некоторая пограничная жизненная ситуация, как: смерть, жизненные потрясения и трагедии, переживаемые индивидом в одиночку);

– *экзистенциальная философия* [Бердяев; Сартр; Хайдеггер], сторонники которой разделяют принцип конфликтности в отношении объективного мира, определяя при этом причины одиночества в условиях бытия индивида;

– *психоаналитический подход* (в части неопрейдистской парадигмы) [Zilboorg; Sullivan; Fromm-Reichmann] – предпосылки одиночества определяются некоторыми событиями и переживаниями детства. В рамках данной концепции

¹ В тексте использованы фрагменты публикации: Ростовская Т.К., Сулейманлы А.Д., Гневашева В.А., Толмачев Д.П. Одиночество в условиях пандемии: страновой обзор // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. № 1. С. 17-22.

Зилбург различает понятия одиночества и уединения, считая второе нормальным состоянием, а первое – непреодолимым, причины которого кроются в особенностях самой личности;

– *гуманистическая социология* акцентирует внимание на значимости влияния внешней среды на человека [Роджерс; Хьелл, Зиглер];

– *социально-психологический подход*, сторонники которого причиной одиночества считают само общество, ослабление социальных связей с малой социальной группой и переориентацию поведения на общественные оценки, при этом социальная включенность индивида в общество определяется как «одинокая толпа» (А. Боумен, Д. Рисмен) [Risman et al.];

– *когнитивный подход*, рассматривающий несоответствие личностного и социального опыта индивида (В. Дерлега, С. Марголиус, Д. Перлман, Л. Пепло) [см.: Смирнова; Перлман; Пепло и др.]; в ряде теорий одиночество трактуется как элемент более общей социальной проблемы [Перлман], или, наоборот, более мелкие факторы определяются как мотиваторы социального одиночества (Э. Фромм описывает в этом контексте общество потребления и сам процесс потребления как причину социальной автономии) [Fromm-Reichmann]; проблемы социальной автономии на уровне семьи провоцируют и дальнейшее развитие социальной автономии у ее членов, как определяет К. Хорни [см.: Корчагина]; интересна и более комплексная интегративная модель [Sadler; Johnson], которая в основе социальной автономии рассматривает внутренний мир индивида и его реакцию на внешнее взаимодействие [Смирнова].

Среди отечественных авторов, занимающихся проблемой социального одиночества следует отметить П.М. Козыреву, А.И. Смирнова, Ж.В. Пузанову [Козырева, Смирнов; Пузанова].

В исследовании авторов представлены эмпирические оценки социального одиночества возрастных групп. Опираясь на данные российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, П. М. Козырева и А.И. Смирнов показывают, что для пожилых людей характерна именно социальная изоляция и в этой связи авторами выявлена определенная связь между частотой ощущения одиночества и интенсивностью общения. Вместе с тем авторы также отмечают, что наличие семьи и активное общение с членами семьи существенно ослабляет ощущение одиночества.

Ж.В. Пузанова отмечает возможность оценки одиночества с помощью ряда методов, в частности автором применяется тест UCLA для измерения уровня переживания одиночества, а также метод неоконченных предложений для выявления личностных смыслов «одиночества» [Пузанова]. Автор определяет «одиночество» как предмет эмпирического анализа.

Противоположной исследовательской стороной проблемы социального одиночества выступает исследовательская область социального благополучия.

Необходимо также определиться в понимании субъективного благополучия. Р.М. Шамионов субъективное благополучие определяет как отношение челове-

ка к своей личности, жизни и процессам. Все это характеризует ощущения удовлетворенности. Близкими по смысловой нагрузке понятиями психологического благополучия являются понятия «оптимизм», «счастье», «удовлетворенности жизнью» [Шамионов].

Вопросы субъективного и психологического благополучия раскрываются в исследованиях Е.А. Авдеева, Э. Аллардт, Л.А. Беляевой, М.Ф. Черныша [см.: Социологические подходы...]. Авторы приводят теоретико-методологическое осмысление социального благополучия, рассматривают теоретические модели, а также проблемы измерения, определяют факторы социального благополучия. На основе данных эмпирических исследований авторами представлены аспекты социального благополучия в российских регионах, а также приведен сравнительный международный анализ показателей благополучия российских и европейских территорий.

Проблемы одиночества сводятся к определению особенностей межличностных отношений и в первую очередь в семье, как малой группе, в этой связи особенно стоит отметить гендерный аспект, факторы мотивации и сглаживания деструктивных форм социального одиночества в соответствии с репродуктивным и брачным поведением мужчин и женщин. В этой связи возникает возможность дополнительного эмпирического обоснования понятия социального одиночества.

Методы исследования

Цель исследования: определить степень значимости семейного и репродуктивного поведения женщин как факторов снижения вероятности социального одиночества.

Обработка эмпирической информации исследования осуществлялась с помощью эконометрических методов, рассматривались показатели описательной статистики, корреляции переменных, проводилось построение регрессионных зависимостей.

Результаты исследования

Анализ результатов проведенного авторского эмпирического общероссийского исследования позволяет сделать ряд выводов относительно влияния репродуктивного и брачного поведения женщин на изменение ощущения ими социального одиночества [20].

Общий социально-экономический портрет респондентов можно представить следующими основными характеристиками.

Подвыборка преимущественно состояла из женщин в возрасте «26-35 лет» (37%), имеющих высшее образование (55%). Уровень своего материального обеспечения респонденты оценивали как «средний» (56%), второй по численности является группа с доходом «ниже среднего» (26,8%), тех, кто определяет свой доход на уровне выше среднего или тех, кто отметил, что вполне удовлетворен своим материальным положением в целом по выборке менее 10%.

Учитывая общее распределение по уровню материального положения, важно подчеркнуть, что данный фактор является крайне важным в целом для формирования предпосылок устойчивого брачного и репродуктивного поведения. Чуть менее половины респондентов отметили, что их ближайший круг общения – это «я, мой муж и дети» (41,4%), также значимой по численности является группа респондентов, отметивших позицию: «я и мои дети» (21,9%), в меньшей степени представлена в выборке позиция «я и муж» (12,2%). При этом цель вступления в брак респонденты видят, в первую очередь, в «создании семьи» (68%), далее в том, чтобы «не быть одиноким» (14,6%) и чуть меньше в том, чтобы «завести детей» (9,7%).

Анализ ответов на вопрос «Чувствуете ли Вы себя одиноко?» в сопоставлении с прочими вопросами анкеты позволил выявить ряд групп.

Те, кто отметил, что никогда не чувствует себя одиноким (выбрал позицию «нет, никогда»), а таких по выборке 29,2%, — это женщины в возрасте 26-35 лет, проживающие с мужем и детьми и определяющие в качестве цели вступления в брак создание семьи.

Особенно важно подчеркнуть следующие две группы:

- это те, кто определяет целью вступления в брак «завести детей», и
- те, кто определяет целью вступления в брак «создание семьи», но по каким-то причинам на момент опроса проживает лишь с детьми (без мужа).

Представители обеих выявленных групп на вопрос о самоощущении себя одинокими на момент опроса выбрали позицию «часто», но в целом по выборке – это 7,3% респондентов.

Тем не менее подобные социальные маркеры позволяют говорить о том, что социальный диссонанс в отношении ожидаемого и реального является одной из причин социальной деструкции женщин, а именно: формирования и усиления самоощущения социального одиночества.

В то же время причины одиночества женщины видят далеко не в области социального диссонанса в отношении брачного или репродуктивного поведения. Каждая третья (36,5%) отметила, что «причина в самом человеке», и еще 26,8% респондентов сказали, что причина одиночества в том, что «нет любимого дела». В этой связи подчеркивается с одной стороны важность самоидентификации женщин в социальной среде, а с другой – социальная включенность, но по критерию общественной значимости, а не семейной или репродуктивной роли женщины.

Критерии «хорошей жизни» женщины видят в здоровье (70,7%), наличии семьи (56%), материальном обеспечении (53,6%), наличии детей (26,8%). Расположенные в порядке уменьшения значимости в ответах респондентов обозначенные позиции все же определяют на передний план важность для женщин материальной стороны их жизни, наличия семьи и их здоровья, и в меньшей степени – наличие детей.

Практически каждая вторая смотрит в будущее позитивно – «с надеждой и оптимизмом» (48,7%).

Важно также обратить внимание на родительские семьи женщин. Примерно половина респондентов отметили, что у них нормальные отношения с родителями (48,8%). Вспоминая себя в детстве, респонденты отмечают, что преимущественно свое свободное время они проводили с «друзьями», «с братом (сестрой)», «с родителями», «с бабушкой (дедушкой)».

При этом, вспоминая, когда респонденты не ощущали себя одинокими в большей степени, они в основном вспоминают свое детство и выбирают позицию «с родителями» (31,7%), а уже потом позиции: «в своей семье с мужем и/или детьми» (29,2%) и «среди друзей» (26,8%).

Определяя критерии успеха своей сегодняшней жизни, и отмечая, что, по их мнению, им уже удалось сделать, респонденты выбрали в порядке снижения значимости следующие позиции:

- у меня есть семья (53,6%);
- у меня есть люди, которые меня понимают (51,2%);
- у меня доверительные отношения с детьми (41,4%);
- я здоров (38,5%);
- у меня хорошие отношения с родителями (39%);
- у меня много друзей (14,6%).

А вот среди того, чего не хватает респондентам, прозвучали следующие позиции:

- материального благополучия (51,2%);
- здоровья (31,7%);
- верного друга (14,6%);
- жилья (14%);
- детей (7,3%).

В опросе ставился вопрос выбора варианта, который бы с большей точностью охарактеризовал респондента на момент проведения исследования.

Среди выбранных позиций наиболее популярны:

- мне нужна поддержка детей (51,2%);
- считаю себя самодостаточной (26,8%).

При этом распределение оценок степени одиночества по пятибалльной шкале (где 5 баллов – ощущение максимального одиночества и 1 балл – отсутствие ощущения одиночества) в представлении респондентов следующее:

- 1 балл – 34,1%;
- 2 балла – 19,5%;
- 3 балла – 29,2%;
- 4 балла – 2,4%;
- 5 баллов – 7,3%.

Таким образом, преимущественно распределение ответов в диапазоне 1–3 балла, со значимой популярностью позиции 1 и далее – 3 балла.

Респонденты отметили, что иногда обращаются за помощью к другим (53,6%), еще 26,8% сказали, что скорее не обращаются.

Определяя одиночество, респонденты отмечают, что это «грустно», что это состояние, когда «нет опоры», состояние пустоты, отсутствие близких людей, когда никого нет рядом, когда о тебе редко вспоминают, когда нет «плеча». С другой стороны, определяя понятие счастья, респонденты пишут, что это состояние самодостаточности, хорошего здоровья, когда ты находишься с семьей и когда все хорошо.

В целом по результатам исследования можно сделать общий вывод об отсутствии взаимосвязи социальной реализованности с семейной и репродуктивной самореализацией.

Результаты опроса не выявили значимого акцента в понимании для женщины социальной жены и матери. Кроме того, особенно важно подчеркнуть общую обеспокоенность респондентов собственным материальным положением, которое играет по мнению респондентов значимую роль при формировании семьи и рождении детей, также важным маркером озабоченности женщин выступает здоровье как самих респондентов, так и их близких.

В соответствии с общей системой мотивации такое распределение ответов может говорить о низкой и недостаточной удовлетворенности базовых потребностей женщин, как-то: материальное благополучие, жизненная стабильность, здоровье, что не позволяет женщинам рационально перейти в своем самоощущении на иной уровень мотивационной пирамиды и определить в качестве доминантного фактора мотивации своей дальнейшей жизни именно социальный компонент, который в рамках представленной тематики выражен факторами семейности, брачности и детности.

Отмеченные повышенные ожидания женщин в отношении своих детей и их острое желание иметь поддержку своих детей подчеркивает наличие проблемы межпоколенческого непонимания и/или боязнь его наступления, при том, что с собственными родителями респонденты отмечают сохранение нормальных отношений, что также препятствует восприятию женщинами факторов семейности, брачности и детности как доминантных мотивационных факторов своей текущей жизни. Базовая мотивационная неготовность к исполнению социальной роли жены и матери и угроза мотивационного диссонанса со стороны мужа, и особенно детей еще более демотивирует женщин в отношении формирования в собственной системе жизненной мотивации социальных позиций жены и матери как значимых на данном жизненном этапе.

Общее распределение ответов и выявленных значимых позиций показало наличие действенных факторов, определяющих поведение женщин в отношении общества, семьи, профессии [Ростовская и др.].

Полученные факторы, представляющие значимыми для женщин для их самореализации, могут быть сведены в общую функцию определения социального благополучия женщин. Реализация факторов в той или иной доли позволяет определить меру относительного благополучия женщин.

Согласно авторскому подходу, предполагается, что два социальных явления: «социальное одиночество» и «социальное благополучие» могут рассматриваться во взаимосвязи. Снижение одного позволяет говорить об усилении второго, так как факторы – маркеры самоидентификации, в частности, рассмотренные в исследовании, задаются одними и теми же вопросами.

Выводы. На основе проведенного исследования были выявлены факторы снижения социального одиночества как феномена в самооценках женщин. Было дано более развернутое обоснование понятия социального одиночества применительно к рассматриваемой подвыборке.

По результатам исследования удалось описать некоторые социальные группы в разной степени чувствительные к социальному одиночеству, а также определить факторы, позволяющие говорить о вероятности ощущения социального одиночества в той или иной подгруппе.

Рассмотренные факторы социального одиночества могут быть использованы в том числе и для обоснования иного явления, социально противоположного – социального благополучия.

Полученные результаты могут быть применимы для формирования программ демографической политики, политики развития семьи, так как успешность реализации социальной роли женщины обеспечивается в том числе и её социальным благополучием.

Источники

Бердяев Н.А. (2021). Самопознание. М.: Эксмо.

Гневашева В.А. (2022). Феномен социального одиночества: риски трансформации традиционного конструкта семьи // Социально-гуманитарные знания. № 5. С. 16-18.

Козырева П. М., Смирнов А. И. (2022). Социальная изоляция и одиночество в пожилом возрасте // Социологическая наука и социальная практика. № 4. С. 46-63.

Корчагина С. Г. (2008). Психология одиночества: учебное пособие. М.: Московский психосоциальный институт.

Пепло Л., Мицели М., Мораш Б. (1989). Одиночество и самооценка // Лабиринты одиночества / сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. М.: Прогресс.

Перлман Д., Пепло Л. (1989). Теоретические подходы к одиночеству // Лабиринты одиночества / сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. М.: Прогресс.

Покровский Н.Е. (1989). Лабиринты одиночества / Перевод с англ. М.: Прогресс.

Пузанова Ж.В. (2009). «Одиночество» как предмет эмпирического анализа // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). № 29. С. 132-154.

Роджерс К. (2006). Консультирование и психотерапия: новейшие подходы в области практической. М.: Психотерапия.

Ростовская Т.К., Сулейманлы А.Д., Гневашева В.А., Толмачев Д.П. (2022). Одиночество в условиях пандемии: страновой обзор // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. Т. 22. № 1. С. 17-22.

Сартр Ж.-П. (1953). Экзистенциализм – это гуманизм / Пер. с фр. М. Грецкого. М.: Издательство иностранной литературы.

Смирнова А.О. (2010). Социальное одиночество: сущность, типы, причины, методы преодоления // Вестник РГГУ. № 3(46). С. 161-175.

Социологические подходы к изучению социального благополучия (2021) / Е. А. Авдеев, Э. Аллардт, Л.А. Беляева [и др.]; отв. ред. М.Ф. Черныш, Ю.Б. Епихина. М.: ФНИСЦ РАН. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021.

Хайдеггер М. (1993). *Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Республика. С. 192-220.

Хьелл Л., Зиглер Д. (2006). *Теории личности: основные положения, исследования и применение*, 3-е изд. СПб.: Питер.

Шамионов Р.М. (2008). *Субъектное благополучие личности*. Саратов.

Ялом И.Д. (2014). *Экзистенциальная психотерапия*. Москва.

Fromm-Reichmann F. (1959). Loneliness. *Psychiatry*. Vol. 22. Issue 1. P. 1-15.

Johnson S.C. (1967). Hierarchical clustering schemes. *Psychometrika*. No. 32. P. 241-254.

Risman D., Denney R., Glazer N. (1950). *The lonely crowd*. New Haven: Yale University Press.

Sadler W.A. (1969). *Existence and love: new approach in existential phenomenology*. New York: Charles Scribner's Sons.

Sullivan H.S. (2001). *The interpersonal theory of psychiatry*. Psychology Press.

Zilboorg G. (1938). Loneliness. *Atlantic Monthly*. No. 161. P. 45-54.

■ ■ ■ The Definition of Social Loneliness and Social Well-Being of Russian Women¹

Gnevasheva V.A.

Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), Moscow, Russia.

Abstract. The study is dedicated to the study of the problem of social loneliness. The theoretical and methodological base determines the significance of this phenomenon for modern society. In this regard, the issue of gender segregation in determining the factors of increasing social loneliness is extremely acute, since to a greater extent the marital and much less reproductive behavior of women can be associated precisely with the process of avoiding social loneliness as a social phenomenon, which requires clarification of these factors of the demographic development of society. Questions of studying social loneliness are also raised in the context of the need to preserve traditional family constructs. Modern social forms of avoiding social loneliness often form prerequisites for the distortion of family tradition and transform family and social forms of interaction. The article presents assessments of the phenomenon of social loneliness in the minds of women on the basis of a study. Social loneliness is considered in the context of women's marital and reproductive behavior. At the same time, a comparison is made of the concepts of "social loneliness" and "happiness" within the considered subsample, differentiated by gender. The definitions of the concepts of "female happiness" and "index of happiness" are given, a scale of assessments of the happiness index in the interval between two antagonistic terms is given, and the index is calculated for the considered subsample. The results are based on the author's empirical all-Russian research conducted in the spring of 2022 (N=2500, in the gender distribution, the sample population of women was 43% – 1075 people). The sample was defined as continuous, random, and at the last stage nested, since only one gender group was taken

¹ The article was prepared within the framework of the grant of the Russian Science Foundation (RNF) No. 22-28-01980: Social loneliness: modeling of new family constructs.

within the framework of this article – women. The results of the study are aimed at finding ways to reduce the risks of the formation of destructive socio-psychological constructs in women's perception of themselves and the world through the prism of social loneliness, and also contribute to the development of recommendations for the development of sustainable family constructs of the traditional type.

Keywords: social loneliness, family, women, reproductive and marital behavior, female happiness, happiness index

Acknowledgment: the article was prepared within the framework of the grant of the Russian Science Foundation (RNF) No. 22-28-01980: Social loneliness: modeling of new family constructs.

For citation: Gnevasheva V.A. (2023). The Definition of Social Loneliness and Social Well-Being of Russian Women. *Communicology (Russia)*. Vol. 11. No. 1. P. 62-72. DOI: 10.21453/2311-3065-2023-11-1-62-72.

Inf. about the author: Gnevasheva Vera Anatolyevna – DSc (Econ.), Associate Professor, Chief Researcher of the Institute for Demographic Research, Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences (IDR FNISC RAN). Address: 117218, Russia, Moscow, Krzhizhanovskiy str., 24/35. E-mail: vera_cos@rambler.ru. ORCID: 0000-0002-3596-661X.

Received: 15.03.2023. *Accepted:* 24.03.2023.

References

- Avdeev E.A., Allardt E., Belyaeva L.A. et al. (2021). Sociological approaches to the study of social well-being (2021) / ed. M.F. Chernysh, Yu.B. Epikhin. Moscow: Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021 (In Rus.).
- Berdyayev N.A. (2021). Self-knowledge. Moscow: Eksmo.
- Fromm-Reichmann F. (1959). Loneliness. *Psychiatry*. Vol. 22. Issue 1. P. 1-15.
- Gnevasheva V.A. (2022). The Phenomenon of Social Loneliness: Risks of Transforming the Traditional Family Construct. *Social and Humanitarian Knowledge*. No. 5. P. 16-18 (In Rus.).
- Heidegger M. (1993). Time and being: articles and speeches (transl.). M.: Republic. P. 192-220 (In Rus.).
- Hjelle L., Ziegler D. (1992). Personality Theories: Basic Assumptions, Research and Applications, 3rd ed. McGraw-Hill Publishing Co.
- Johnson S.C. (1967). Hierarchical clustering schemes. *Psychometrika*. No. 32. P. 241-254.
- Korchagina S.G. (2008). Psychology of loneliness: a study guide. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute (In Rus.).
- Kozyreva P.M., Smirnov A. I. (2022). Social isolation and loneliness in old age. *Sociological science and social practice*. No. 4. P. 46-63 (In Rus.).
- Pearlman D., Ashes L. (1989). Theoretical approaches to loneliness In: Labyrinths of loneliness, ed. N.E. Pokrovsky. M.: Progress (In Rus.).
- Pepló L., Micely M., Morash B. (1989). Loneliness and self-esteem. In: Labyrinths of loneliness, ed. N.E. Pokrovsky. M.: Progress (In Rus.).
- Pokrovsky N.E. (1989). Labyrinths of loneliness (transl.). M.: Progress (In Rus.).
- Puzanova Zh.V. (2009). "Loneliness" as a subject of empirical analysis. *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling* (Sociology: 4M). No. 29. P. 132-154 (In Rus.).
- Risman D., Denney R., Glazer N. (1950). The lonely crowd. New Haven: Yale University Press.

Rogers K. (2006). Counseling and psychotherapy: the latest approaches in the field of practice. M.: Psychotherapy (In Rus.).

Rostovskaya T.K., Suleymanly A.D., Gnevasheva V.A., Tolmachev D.P. (2022). Loneliness in the context of a pandemic: a country review. *Bulletin of the Saratov University. New episode. Series: Sociology. Political science*. T. 22. No. 1. P. 17-22 (In Rus.).

Sadler W.A. (1969). Existence and love: new approach in existential phenomenology. New York: Charles Scribner's Sons.

Sartre J.-P. (1953). Existentialism is humanism (transl. M. Gretsky). M.: Publishing house of foreign literature (In Rus.).

Smirnova A.O. (2010). Social loneliness: essence, types, causes, methods of overcoming. *Bulletin of the Russian State Humanitarian University*. No. 3(46). P. 161-175 (In Rus.).

Sullivan H.S. (2001). The interpersonal theory of psychiatry. Psychology Press.

Zilboorg G. (1938). Loneliness. *Atlantic Monthly*. No. 161. P. 45-54.